

Французскій "пролетарій" и русскій общинникъ

Годы перелома (1895--1906). Сборникъ критическихъ статей.

Книгоиздательство "Міръ Божій", Спб., 1908

OCR Бычков М. Н.

Когда люди старѣются, они пишутъ воспоминанія, въ которыхъ съ перваго слова заявляютъ, что прежде было все лучше. И солнце свѣтило тогда ярче, и люди были добрѣе, умнѣе, великодушнѣе, а, главное, жилось веселѣе, бодрѣе и легче. Отдавъ дань этой общечеловѣческой слабости и г. Мертваго въ своихъ, вообще, очень интересныхъ воспоминаніяхъ -- "Не по торному пути", посвященныхъ его блужденіямъ по свѣту, въ поискахъ за лучшимъ разрѣшеніемъ хозяйственныхъ вопросовъ. "Пятнадцать лѣтъ тому назадъ,-- говоритъ онъ,-- въ Россіи были еще всякіе вопросы, которые мучили, волновали; эти вопросы заставляли искать отвѣта и не нашли еще тогда себѣ разрѣшенія въ игрѣ въ винтъ и кутежахъ. "Было время, а теперь другое", говоритъ поговорка. У всякаго былъ свой вопросъ, всякій искалъ своего *raison d'être* и всякій разрѣшалъ его по своему". Въ его словахъ есть доля правды. Положимъ, и теперь всякихъ вопросовъ хоть отбавляй, но правъ авторъ, что теперь мы равнодушнѣе къ нимъ и не очень утруждаемъ себя исканіемъ отвѣтовъ, предпочитая плыть по теченію, которое куда-нибудь да вынесетъ...

Г-на Мертваго волновали и интересовали вопросы сельскохозяйственные. Тогда всѣхъ привлекали статьи покойнаго Энгельгардта, для многихъ явившіяся своего рода откровеніемъ. Перечитывая ихъ теперь, намъ уже трудно понять, что такъ увлекало читателей 70-хъ годовъ, которымъ эти статьи словно открывали новый міръ, куда, по обычаю русскихъ людей, немедленно началось паломничество. Въ Батищевѣ, имѣніе Энгельгардта, одни шли съ вѣрою обрѣсти "спасеніе души", какъ, спустя нѣсколько лѣтъ, другіе шли съ тою же цѣлью въ Ясную Поляну. Иные имѣли въ виду болѣе простыя и практическія задачи: они хотѣли поучиться, какъ вести хозяйство въ деревнѣ, откуда до сихъ поръ всѣ бѣжали, кромѣ кулака. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и г. Мертваго, рисующій нѣсколько любопытныхъ очерковъ изъ своего пребыванія въ Батищевѣ. Но насъ интересуютъ не они, а тѣ "тонконогіе", -- какъ ихъ прозвали крестьяне, -- которые въ земледѣльческой химіи видѣли средство для "спасенія души", а въ фосфоритѣ -- рычагъ, съ помощью котораго они намѣревались вознести русскую деревню на небывалую высоту.

Подумаешь, съ какой простотой разрѣшались тогда вопросы. Но эта простота характерна не только для тогдашняго времени. Черезъ всю краткую исторію русской интеллигенціи проходитъ красною нитью общая черта "тонконогихъ" -- необыкновенное легкомысліе, съ которымъ мы хватаемся за всякія средства для спасенія души. Начиная съ діалектики Гегеля, въ которой еще Бѣлинскій видѣлъ одну изъ панацей (положимъ, быстро отъ нея отказавшійся), и до самоновѣйшаго видоизмѣненія ея -- "марксизма", -- мы твердо уповаемъ, что можемъ изыскать средство, которое насъ "спасетъ". То и дѣло проявляются пророки, благодѣтельницающіе грѣшнаго обывателя новымъ средствомъ, и немедленно являются послѣдователи, съ восторгомъ хватающіе "новое слово", какъ принято у насъ называть открытія, до которыхъ русскій человѣкъ "своимъ умомъ дошелъ". Иногда это бываетъ трогательно, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ -- смѣшно, обнаруживая въ насъ отсутствіе того, что европейцы называютъ "убѣжденіями". Это тоже отличительная наша черта, -- полная свобода отъ всякихъ убѣжденій, хотя и нѣтъ въ мірѣ другого общества, въ которомъ такъ горячо и много говорили бы насчетъ убѣжденій, какъ въ нашемъ.

Отчего это зависитъ? Причины такого печальнаго явленія, этой неустойчивости русской "души", скрыты глубоко въ условіяхъ нашего общественнаго быта и, прежде всего, въ слабости нашей культуры. Европейецъ, появляясь на свѣтъ Божій, уже несетъ въ себѣ зародышъ тѣхъ прочно-сложившихся взглядовъ и убѣжденій, которыя его дѣды и отцы завоевали въ свое время, выносили въ себѣ и кровью заплатили за нихъ. Въ путешествіяхъ нашихъ туристовъ часто встрѣчаются насмѣшки надъ нѣкоторыми особенностями европейцевъ. Больше всего достается англичанамъ, которые нигдѣ не измѣняютъ своимъ привычкамъ. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ, откуда и проистекаетъ наша чрезвычайная восприимчивость и неустойчивость. "Общій характеръ націй,-- замѣчаетъ г. Мертваго,-- опредѣляется не возможностью